

ИВАН ТИТАРЬ,

аспирант кафедры политической социологии
Харьковского национального университета
им. В.Н.Каразина

Консолидация демократии: проблема определения понятия¹

Abstract

The research is devoted to analysis of the “consolidation of democracy” definition problem. Although it is one of the major notions of transitological literature, its meaning is still ambiguous and debatable. The etymological and historical aspects of understanding the meaning of “consolidation” are considered in the article. The main definitions of the notion “consolidation of democracy” are discussed. Different approaches are considered in order to facilitate their systematization and help to find the most adequate and practically useful definition of the concept.

The attempt to underline differences in the term “consolidation” understanding in Ukrainian and Russian, on the one hand, and in English, on the other hand, is rather helpful in search for adequate definition.

The authors’ definition of the consolidation of democracy isn’t intended either to deepen or to extend its interpretation. Besides, it’s rather aimed to point out and try to avoid the main errors in its usage, particularly regarding the task of its operationalization within the framework of sociological empirical research.

Понятие “консолидация демократии” получило распространение в американской, а позже и в мировой сравнительной политической науке и политической социологии начиная с 1970-х годов и стало центральным понятием в одной из субдисциплин общественных наук, за которой закрепилось неофициальное название “консолидология”.

¹ Данная работа была бы невозможна без помощи моей сестры Оли и Рассела Линдсея в работе с первоисточниками. Хотелось бы выразить признательность всем тем, кто любезно согласился прочитать и прокомментировать ранние версии работы. Особая благодарность моему руководителю Ольге Дмитриевне Куценко, а также Алексею Александровичу Мусиездзу и Вячеславу Никулину.

В определение понятия консолидации демократии внесли вклад многие ученые. Среди них наибольшее влияние на дальнейшее понимание этого концепта оказали Гиллермо О’Доннел, Филипп Шмиттер, Семюэль Валенсуэла, Адам Пшеворский, Ричард Гюнтер, П.Никифорос Диамандоурос и Ганс-Юрген Пуле, Хуан Линц и Альфред Степан, Ларри Даймонд, а также Вольфганг Меркель. В методологических дебатах, развернувшихся вокруг понятия, наиболее значительную роль сыграли идеи Дэвида Кольтера, Гиллермо О’Доннела и Андреаса Скедлера.

С самого начала существовала проблема определения данного понятия. Это обуславливалось тем, что понятие “консолидация демократии” оказалось слишком неоднозначным и, употребляя его, разные ученые не могли быть уверены, что имеют в виду одно и то же¹. Со временем эту проблему все более осознавали, что неоднократно воплощалось в методологических рефлексиях и дебатах между носителями разных точек зрения. Высказывались даже предложения отказаться от использования понятия “консолидация демократии”². Однако в целом доминирующей стала более умеренная позиция, заключающаяся в требованиях уделять больше внимания определению консолидации демократии и тщательнее аргументировать свое видение.

Цель данной статьи — проанализировать происхождение и историю, основные определения и подходы к пониманию понятия консолидации демократии, а также рассмотреть разные взгляды на то, каким образом можно выработать более четкое и адекватное его определение.

Этимология

“Консолидация” — слово латинского происхождения. Постепенно, в форме кальки, оно вошло практически во все европейские языки, включая славянские [4]. Лексема “consolidatio” образована из двух составляющих — “con” (с, вместе) и “solidare” (уплотнять, укреплять, сращивать) [см. напр.: 5, с. 252]. В разных языках преобладают те или иные производные от нее значения слов. Поскольку в украинском научном дискурсе доминируют три языка — украинский, русский и английский, кратко остановлюсь на содержании данных слов в этих языках. Если, к примеру, в английском слове “consolidation” доминирует значение “укрепление” [см. : 6], а в соответствующем русском — “объединение”, то украинский язык занимает промежуточную позицию, хотя и приближенную к русской практике словоупотребления. В целом не следует рассчитывать на то, что слово “консолидация” в разных языках означает одно и то же³. Еще одной особенностью этого произ-

1 См.: [1].

2 Это не слишком распространенная позиция. Идеи подобного рода можно найти у Г.О’Доннела [2], А.Скедлера [1], С.Алонсо и Х.-М.Маравалла [3], не говоря уже о тех, кто просто скептически относится к транзитологической парадигме.

3 Единого подхода к переводу понятия “consolidation of democracy” (или близкого к нему “democratic consolidation”) на украинский или на русский язык пока не существует. Кроме кальки (“консолидация демократии”), известны по крайней мере четыре варианта

водного от глагола существительного является способность означать и процесс, и его результат, то есть состояние. Все это касается как обыденного, так и научного языка.

В качестве научного термина слово “консолидация” используют в экономике, юриспруденции, геологии, медицине и других науках, и в каждой оно имеет специфическое содержание.

Поскольку этимология и история термина “демократия” известны лучше¹, можно детально не останавливаться на этом вопросе. Важно, что в нынешнем научном дискурсе это понятие также далеко от однозначности². Различается, например, содержательное наполнение термина, когда речь идет об античной и современной “демократии”, идеале и практике, понимании демократии в демократических и недемократических режимах.

Более общее по отношению к “консолидации демократии” понятие “консолидация [политического] режима” начали использовать по крайней мере с начала 1970-х годов³. Самая ранняя из известных автору работ, где было употреблено это понятие, датируется концом 1970-х⁴. При этом у некоторых ученых довольно рано возникли сомнения в правильности такого составного понятия. Об этом удачно высказался Гиллермо О’Доннел, написав, что “консолидация” и “демократия” — слишком многозначительные слова, чтобы быть хорошей парой” [2, с. 38].

Основные определения

Когда в 1970 году основатель транзитологической парадигмы Денкворт Растроу, рассматривая в статье “Переходы к демократии: попытка создания динамичной модели” [13] среди прочего проблематику, которая в современном понимании очень близка к “консолидологической”, собственно термин “консолидации демократии” еще не употреблял⁵. Поскольку этой статьей Растроу обозначил методологические и концептуальные рамки для дальнейших исследований в сфере динамики политических режимов, но термин “консолидация демократии” тогда остался “за бортом” классического текста транзитологического дискурса, теперь трудно выяснить, насколько он является для него аутентичным, нельзя также сослаться на классическое определение понятия или образец употребления — в ситуации с неоднозначным термином это было бы по меньшей мере частичным решением проблемы.

перевода этих понятий: “укрепление демократии”, “устойчивая демократия”, “стабильность демократии”, “сохранение демократии”. Это ведет к размыванию научной терминологии и служит напоминанием о необходимости осторожно относиться к переводам.

1 Перефразируя Жака Деррида [7], можно сказать, что это слово так же старо, как и вся европейская цивилизация.

2 Об этом имеется обширный массив литературы. См., например, первые две части книги “Демократия: Антология” [8], а также весьма содержательную статью Й. Мюллера [9].

3 См. [10]; информация согласно: [11].

4 Как и в предыдущем случае, речь идет о работе Хуана Линца (см.: [12]).

5 Более поздние исследователи, например Ларри Даймонд, считали, что консолидация “охватывает” то, что Растроу имеет в виду под своим понятием “стадия привыкания” [см.: 14, с. 65].

Точно не известно, кто ввел термин “консолидация демократии” в научный оборот, но первым активно использовать его начал американский социолог и политолог испанского происхождения Хуан Хосе Линц. В книге “Крах демократических режимов: кризис, крах и реэквилибрация” (1978) он сравнительно много внимания уделяет консолидации демократии, особенно, как он пишет, “начальной консолидации”. Линц отмечает, что для успеха последней крайне важны разработка и принятие новой конституции (как формальных рамок взаимодействия политических акторов), но еще важнее то, какая на этой стадии была принята “начальная повестка дня” (initial agenda). В этот период, пишет автор, принципиальным является “не успех или провал конкретного правительства, а формирование базовой расположенности к режиму” [12, с. 42].

По мнению Линца, одна из важнейших составляющих “начальной консолидации” — инкорпорация сил, находящихся вне “коалиции, которая создала режим”, но потенциально лояльных к режиму. Это не увеличивает эффективности режима, однако позитивно отражается на его легитимности. “Период консолидации, таким образом, — это в значительной мере борьба за приверженность относительно нейтральных секторов населения” [12, с. 44].

В общем в 1978 году Линц еще не дает четкого определения термина “консолидация демократии”, хотя описывает, что для нее необходимо и с какими проблемами она может столкнуться. Можно добавить также, что во вступительном слове к упомянутой книге, написанному совместно с Альфредом Степаном, очерчивая направления дальнейших исследований, Линц указывает, что “политическая динамика консолидации поставторитарных демократий” должна стать вопросом, которому в дальнейшем следует уделить особое внимание [12, с. xii]¹.

Поскольку в первой половине 1980-х годов проблематика консолидации демократии начинает привлекать все большее внимание в научной среде², учащаются примеры употребления соответствующей терминологии³. В наиболее распространенных в тот период дефинициях консолидации демократии ее определяли через (прогнозируемое) длительное существова-

1 В продолжение этой линии в 1982 году Линц вновь обращается к этому вопросу, но, к сожалению, более детальной информацией об этом мы не располагаем (кроме того, что это было его выступление, которое называлось “Переход от авторитарных режимов к демократическим политическим системам и проблемы консолидации политической демократии” на круглом столе Международной ассоциации политических наук в Токио) [см.: 11, с. 440].

2 Это было связано с успешным завершением (по крайней мере в странах Северной Европы) перехода к демократии. Усиление интереса от проблем “транзита” к проблемам “консолидации” происходило хоть и медленно (поскольку новые демократические транзиты продолжались и в 1980-х и 1990-х), но неотвратимо.

3 В основном литература, созданная в тот период, сейчас почти забыта. Вот лишь несколько названий из тогдашнего огромного массива, которые удалось найти: *David B. Goldey*. “Elections and the Consolidation of Portuguese Democracy: 1974-1983” (*Electoral Studies* 2, no. 3 (Dec. 1983. — 2. — № 3 (December). — P. 229–40); *Thomas C. Bruneau and Alex Macleod*. “Politics in Contemporary Portugal: Parties and the Consolidation of Democracy” (Boulder, 1986). Ссылки на эти исследования приведены в: [15, с. 121].

ние демократического режима¹ или невозвращение к авторитаризму (о невозвращении к тоталитаризму тогда еще речь не шла)²: “[политическая демократия] “консолидированная”, то есть такая, которая, вероятно, будет продолжаться [likely to endure]” [2, с. 37], или более поздний образец упоминавшихся выше определений подобного типа: “Демократическая консолидация уменьшает вероятность отмены демократизации” [17, с. 168].

Уязвимость подобных определений, базирующихся на несколько поверхностных и сложных для проверки признаках, в середине 1980-х стала очевидной, и в научных кругах выкристаллизовалось понимание необходимости их пересмотра.

В апреле 1987 года в университете Нотр-Дам состоялась встреча под названием “Вопросы консолидации демократии в Латинской Америке и Южной Европе”, посвященная, в частности, вопросам концептуализации и методологии. На встрече профессиональные исследователи “транзитологически-консолидологической” проблематики, а также специалисты по теории и методологии получили возможность изложить свое видение того, чем является консолидация демократии, а также обсудить основные, связанные с этим проблемы. В частности Филипп Шмиттер высказал мнение о том, что консолидацию демократии следует определять как “состояние (а не момент времени), в котором элитные акторы имеют надежные ожидания в плане политики, например, что партии и правила политической игры известны и предсказуемы” [18, с. 6].

В написанной³ в конце 1980-х годов большой статье “Демократическая консолидация в постпереходных условиях: понятия, процесс и усиливающие условия” чилийский ученый Семюэль Валенсуэла описал консолидацию демократии как “второй переход”. При этом он (как ни странно) фактически поставил знак равенства между консолидацией демократии и стабильностью демократического режима [19, с. 3]. Тем самым он продемонстрировал одну весьма примечательную вещь — понятие “консолидированная демократия”, характерное для транзитологической парадигмы (с ее акцентом на динамике), пришло на смену термину “стабильная демократия” (иной вариант — “стабильная полиархия”), свойственному предшествующим парадигмам исследования демократии, в частности модернизационной (ярким представителем которой был Сеймур Мартин Липсет). Специфической чертой определений Валенсуэлы является и то, что они в основном негативные. Он пишет, например, что консолидацию демократии *нельзя определять* через длительность существования демократического режима [19, с. 4–5], отбрасывая этим самым предыдущие, характерные для 1980-х годов определения. По его мнению, “консолидированная демократия — это демократия, не имеющая перверзивных элементов, которые под-

1 Характерным является название посвященной консолидации демократии главы книги Семюэля Хантингтона “Третья волна: Демократизация в конце XX века” [16]: “Надолго ли?”.

2 О существовании таких определений известно по преимуществу из вторичных источников. Причина в том, что сами оригинальные работы заметного следа не оставили и не вошли в классический корпус транзитологической литературы.

3 Под ощутимым влиянием Г.О’Доннела.

рывают ее базовые характеристики. Однако список такого рода перверзивностей не может расширяться бесконечно... перверзивные паттерны должны быть тесно привязаны к минимальной концепции демократии”.

В частности, по его определению: “Режим не может считаться консолидированной демократией, если те, кто выиграл необходимые для формирования правительства выборы... подчинены представителям неизбранных элит” [19, с. 8].

В дальнейшем широко известные дефиниции консолидации демократии предложил Адам Пшеворский в своей книге “Демократия и рынок” (1991). Он подчеркивает институционализированный характер, принятие общих правил взаимодействия: [Демократия консолидирована], “когда в данных политических и экономических условиях определенная система институтов становится единой социальной “игрой” в городе, когда никто даже не думает, чтобы действовать вне демократических институтов, когда все, чего хотят проигравшие, — это попытаться сыграть еще раз в рамках тех же институтов, при которых они только что проиграли”. И далее: [Демократическое государство становится консолидированным], “когда оно становится “самопринудительным”, то есть когда все релевантные политические силы обнаруживают, что для них лучше продолжать подчинять свои интересы и ценности неопределенному взаимодействию, “игре” институтов” [20, с. 47].

Таким образом, определения Пшеворского сосредоточены на игроках и институтах, и по сравнению с определениями Валенсуэлы являются “позитивными”.

Р.Гюнтер, П.Н.Диамандоурос и Г.-Ю.Пуле в книге “Политика демократической консолидации: Южная Европа в сравнительной перспективе”, опубликованной в 1995 году, пишут: “...понятие демократической консолидации двухсложное — оно объединяет два различных концепта, которые должны оцениваться отдельно при анализе статуса политических режимов. Чтобы прийти к выводу, что демократическая консолидация имела успех в конкретном случае, необходимо сначала убедиться, что режим в полной мере демократический, и потом определить, является ли этот режим консолидированным” [цит. по: 12, с. 5]. “Мы рассматриваем демократический режим как консолидированный, — утверждают авторы, — когда все политически значимые группы относятся к его ключевым политическим институтам как к единственным легитимным структурам для политического содействия, а также соблюдают демократические правила игры” [11, с. 7].

Впрочем, в этих определениях мы видим несколько механистический и упрощенный подход к проблеме. Некоторые ученые, в частности аргентинский исследователь Гиллермо О’Доннел, были склонны заклеить эти определения как трюизмы [21], подчеркивая, что они очень расплывчатые. Действительно, что такое “в полной мере демократический режим”? С другой стороны, как известно из теории литературы, любые трюизмы и шаблонные схемы являются лучшим проявлением господствующих в определенной среде дискурсов. Очевидно, в первой половине 1990-х годов они были именно таковы. Видно также, что второе из приведенных выше определений фактически повторяет определение Пшеворского. Это демонстрирует, что оно стало конвенциональным. Но вместе с тем между такими схожими дефинициями Гюнтера, Диамандоуроса и Пуле, с одной стороны, и Пшеворского — с другой, существует одно важное различие — если в первом

случае акторы придерживаются определенных правил, поскольку они для них являются легитимными, то во втором они делают это, потому что им это выгодно либо их вынуждают к этому.

В 1996 году увидела свет книга Хуана Линца и Альфреда Степана “Проблемы демократического перехода и консолидации: Южная Европа, Южная Америка и посткоммунистическая Европа”. В ней авторы наконец детально изложили свои взгляды по вопросам, важность исследования которых подчеркивали в 1978 году. Определение консолидации демократии, содержащееся в этой книге, сегодня можно считать наиболее конвенциональным: “...мы имеем в виду под консолидированной демократией политическую ситуацию, в которой, согласно формуле, демократия стала “единственной игрой в городе”” [15, с. 5].

*– В пределах территории демократический режим является консолидированным **поведенчески**, когда никакие значимые национальные, социальные, экономические, политические или институциональные акторы не направляют свои ресурсы на то, чтобы достичь собственных целей, создавая недемократический режим или прибегая к насилию или к внешнему вторжению, чтобы отделиться от государства.*

*– Демократический режим является консолидированным **ценностно** (по установкам) [attitudinally], когда преобладающая часть общественности придерживается мнения, что демократические процедуры и институты являются наиболее соответствующим путем управления коллективной жизнью в таком обществе, как их, и когда поддержка антисистемных альтернатив крайне незначительна либо более-менее изолирована от продемократических сил.*

*– Демократический режим консолидирован **конституционально**, когда и правительственные, и неправительственные силы на всей территории страны подчиняются специфическим законам, процедурам и институтам, санкционированным новым демократическим процессом и приучаются к разрешению конфликтов в этих рамках” [15, с. 6].*

Можно сказать, что определение Линца и Степана достаточно синтетично и вместе с тем компромиссно. Оно объединяет разные признаки консолидации демократии, предложенные в разных определениях, но с ограничениями — так, чтобы они не становились взаимоисключающими. Тут есть и добровольное подчинение нормам, как у Пшеворского, и признание их легитимности, как у Гюнтера, Дамандоураса и Пуле, и даже элементы негативных определений — как у Валенсуэлы. Присутствуют и разные уровни анализа или наблюдения консолидации демократии — относительно поведения, взглядов и институтов.

Последней на сегодня значительной работой, посвященной консолидации демократии, стала книга Ларри Даймонда “Развитие демократии: в направлении консолидации” (1999). Ее автор пишет, что консолидацию демократии можно понять только через сдвиги в политической культуре: “Консолидация требует большего, нежели склонность к демократии вообще, — что демократия “в принципе” является лучшей формой правления. Чтобы демократия была консолидированной, элиты, организации и массовая публика должны считать, что политическая система, которая фактически имеется в стране, заслуживает послушания и защиты. Эта устойчивая легитимность предполагает разделяемую всеми нормативную и поведенчес-

кую приверженность в отношении специфических правил и практик конституционной системы страны” [14, с. 65–66].

В принципе определение консолидации демократии у Даймонда довольно узкое, поскольку сосредоточено в основном на политической культуре. В этом смысле его вряд ли можно расценить как продвижение вперед. Если сравнить его, к примеру, с определением Пшеворского, то оно окажется более максималистским — ведь от акторов Даймонда “требуется” гораздо больше, нежели от акторов Пшеворского, а также более нормативно ориентированным — так как в нем ощущается анализ скорее идеальной ситуации, чем реально существующей.

Подходы к упорядочению определений

Приведенные выше определения — лишь небольшая, хотя и, возможно, наиболее известная часть всех дефиниций консолидации демократии, предложенных за последние тридцать лет. При этом общая картина производит неоднозначное впечатление: если одни определения имеют совсем незначительные различия между собой, то другие практически не имеют между собой ничего общего. В связи с этим возникают два вопроса. Первый — каким образом это многообразие определений и подходов можно систематизировать? Второй — какое из определений консолидации демократии наиболее адекватно и/или полезно для соответствующих научных исследований? В результате попыток ответить на эти вопросы в исследовательской среде сформировалось несколько точек зрения, а также теоретических и практических рекомендаций, которые я рассмотрю ниже.

Один из способов упорядочения многочисленных определений можно назвать “поиском общего знаменателя”¹, результаты применения которого приведены в таблице.

Как видно из таблицы, такого общего знаменателя для определений консолидации демократии фактически не существует. Единственным приближением к этому можно считать формулу “единственная игра в городе”.

Также может быть полезно деление на *минималистские* и *максималистские* определения — на этом настаивали многие ученые, в частности, недавно, немецкий исследователь В.Меркель (2007) [23] и его младший немецкий коллега Клаус Фауленбах [24] (см. рис. 1).

Если продолжить рассуждения о систематизации, то другие интересные и довольно успешные схемы были предложены Дэвидом Кольером и Андреасом Скедлером. В ходе встречи в университете Нотр-Дам в 1987 году Д.Кольер высказал мнение, что все существовавшие на тот момент подходы к определению консолидации демократии можно разделить на три категории:

- актороцентрированные;
- событиецентрированные;
- институциональные (“внешние” и “внутренние”).

¹ Он опирается на простой и полезный совет Джованни Сартори: “Реконструируя понятия, во-первых, соберите репрезентативный набор определений; во-вторых, выделите их характеристики; и в-третьих, сконструируйте матрицу, которая организует эти характеристики значимым образом” [цит. по: 22, с. 3].

Таблица

**Признаки феномена консолидации демократии
(консолидированной демократии)**

Признаки, в которых феномен проявляется	Исследователи, подчеркивающие такие признаки						
	О'Доннел – 1995	Шмиттер – 1987	Валенсуэла – 1990	Пшеворский – 1991	Гюнтер, Димандурос и Пуле – 1995	Линц и Степан – 1996	Даймонди – 1999
Долгая продолжительность демократического режима	*						
Положение дел, при котором акторы имеют надежные ожидания в отношении политики		*					
Демократия, не имеющая перверзных элементов, подрывающих ее базовые характеристики			*				
Демократия становится “единственной игрой в городе”				*	*	*	
Значимые акторы не пытаются создавать недемократический режим						*	
Преобладающая часть общественности признает демократические механизмы и институты наиболее соответствующими, а поддержка антидемократических режимов незначительна						*	*
Демократические силы подчиняются демократическим процедурам						*	*

Минималистские понятия

Максималистские понятия

Определяют консолидацию сжато
(пример — Пшеворский)

Определяют консолидацию
в деталях (пример — Меркель)

Рис. 1. Дифференциация определений, согласно работе Клауса Ф. Фауленбаха “Понятие консолидации демократии ...” [24]

Актороцентрированный подход концентрируется на готовности значимых акторов работать в рамках демократических правил. Событиецентрированный подход рассматривает в качестве маркеров консолидации демократии выборы и ратификации конституций¹. “Внутренний” институциональный подход фокусируется на степени институционализации, тогда как “внешний” — на устойчивости новых политических институтов и объеме значимых изменений в них. Разумеется, ни один из подходов не является самодостаточным, поскольку существуют каузальные связи между институтами, акторами и событиями. Однако схема Кольера определяет некоторые исходные точки и то, что подчеркивается в изучении консолидации демократии.

Другая интересная и влиятельная попытка систематизации была представлена вскоре после дебатов 1996 года в журнале “Journal of Democracy” на страницах двух работ Андреаса Скедлера (см.: [1; 25]). Скедлер называет разнообразие подходов к пониманию и определению консолидации демократии неэффективным и потенциально опасным². Он даже употребляет метафору “вавилонский хор, поющий о консолидации демократии” [1, с. 103]. Если одним из лейтмотивов упомянутых дебатов была борьба с “телеологией” в определении консолидации демократии, Скедлер (хоть и с другой целью) предлагает сделать нечто противоположное — вернуть ее в центр анализа. На его взгляд, чтобы понять, что конкретный автор понимает под консолидацией демократии, следует выяснить, где, по его мнению, существует тот или иной конкретный режим (его *эмпирический референт*), а также какую цель он должен достичь (“*нормативный горизонт*”). В зависимости от “направленности” движения режима все подходы можно условно объединить в две большие группы: “негативные” и “позитивные”. Первые, по сути, предполагают недопущение “откатов” назад. Вторые — переход к “более развитой” версии демократии. В зависимости от эмпирических референтов, “задачи” для консолидации демократии могут быть “минимальными” и “максимальными”. “Минимальные” — недопущение возврата от “электоральной демократии” к авторитаризму или развитие электоральной демократии до уровня либеральной демократии. “Максимальные” — недопущение “сползания” либеральной демократии к электоральной или же развитие либеральной демократии до уровня “развитой” демократии (как в большинстве стран Запада). Более подробная схема приведена на рис. 2.

Какие определения являются гносеологически перспективными?

Хотя перечисленные выше подходы позволяют лучше понять и систематизировать разные определения консолидации демократии, они не могут помочь выявить наиболее адекватные и/или полезные определения. Как пишут авторы оксфордской “Энциклопедии политической мысли”, эти задачи не только отличаются, но зачастую даже противоречат друг другу [26, с. 283]. Чтобы понять, какие определения более “правильные” и “работают”,

1 Например, в тот момент подобную позицию занимал Линц. См. материалы упомянутого собрания: [18].

2 Поскольку каждый исследователь, по словам Скедлера, использует это понятие “по своему усмотрению” и “никто не может быть уверен в том, что оно означает для другого”, хотя “все лелеют иллюзию”, что говорят друг с другом об одном и том же [1, с. 92].

необходимо воспользоваться другими критериями. В обоих случаях решение проблемы имеет теоретическую и практическую сторону.

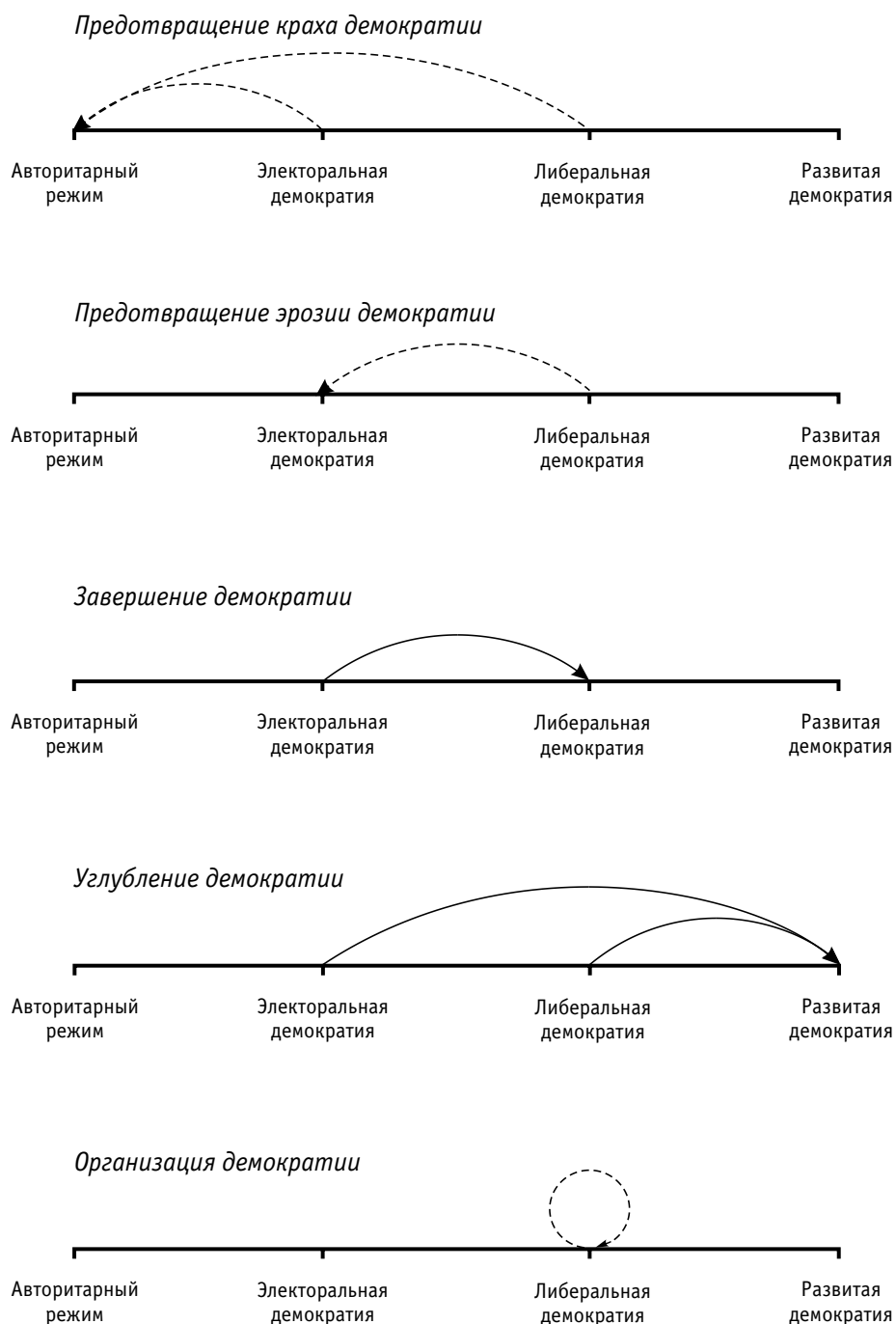

Рис. 2. Дифференциация определений согласно статье Андреаса Скедлера "Что такое консолидация демократии?" [1]

Когда речь идет об адекватности понятия, теоретическая составляющая заключается в том, чтобы понятие было внутренне непротиворечивым, опиралось на те понятия, которые считаются адекватными¹, и отвечало требованиям логики. Эмпирическая составляющая адекватности — наличие у понятия соответствующего эмпирического референта и точность в его описании.

Чтобы выяснить полезность понятия, необходимо ответить на вопрос о том, что позволяет данное понятие “увидеть”, а также чего конкретно мы не увидим, если от него отказаться. В теоретической плоскости понятие полезно, если оно делает возможным более эффективное упорядочение теоретической информации о свойствах явления, связях между ними и условиях их проявления, помогает заполнить какие-то важные пробелы в знаниях об этом явлении; в практической — если оно позволяет лучше ориентироваться в эмпирической реальности, осуществляя на этой основе более эффективную деятельность.

Как показывает анализ, далеко не все определения консолидации демократии могут успешно пройти такую проверку. Даже мало осведомленный о проблеме наблюдатель легко заметит, что не все из них адекватны, а большинство вряд ли полезны. Чтобы выяснить это точнее, необходимо обратиться к некоторым методологическим и практическим замечаниям, высказанным предшествующими исследователями.

Наиболее важные аргументы, касающиеся этих вопросов, были сформулированы еще в 1980-е годы. Согласно этим замечаниям, во-первых, нельзя считать полезным определение консолидации демократии, содержащее тавтологию (не только логическую, но и, так сказать, эмпирическую²). К сожалению, во многих аспектах так можно охарактеризовать определения Пшеворского, Гюнтера, Дамандоураса и Пуле, Линца и Степана, а также Даймонда, то есть большинство авторитетных дефиниций. Можно сказать, что это добротные описания, но не слишком полноценные определения — поскольку они мало что говорят о сути явления. Это выводит нас на более общее наблюдение о том, что среди многообразия возможных дефиниций (от классических прямых родо-видовых, в стиле Аристотеля, до определений-описаний, определений-аналогий, негативных определений и т.п.), применительно к консолидации демократии доминируют косвенные определения³.

Во-вторых, вряд ли можно считать адекватными такие определения, эмпирические референты которых не существуют или не подлежат проверке.

1 Конечно, здесь есть место для дискуссии, насколько вообще можно применять к понятиям такую категорию, как “адекватность”.

2 Под этим я имею в виду то, что определение не раскрывает *сути* явления, а просто *повторяет эмпирические признаки*, которые, вероятно, касаются его. Во многом эта проблема является проявлением различия “содержательных” и “операциональных” определений, отмеченного еще в 1970 году Джованни Сартори [см.: 27, с. 159 и далее].

3 О том, что большинство определений Валенсуэлы *негативные*, уже упоминалось. Такое популярное определение консолидации демократии, как “единственной игры в городе” (сначала его употребил Ди Пальма [28], позже — Пшеворский [20], Линц и Степан [15]), является определением-аналогией. Но подавляющее большинство определений — это определения-описания.

В связи с этим консолидацию демократии нельзя определять через “невозвращение” к авторитарному режиму или ее прогнозируемое “длительное существование”. Поскольку такого рода дефиниции адресуются в будущее время, в настоящий момент проверить их истинность невозможно¹.

Третий аргумент в 1996 году сформулировал Тимоти Першинг в статье “Переходы от авторитарного правления и консолидация режима. Оставляя демократию в стороне” [30]. Он обращает наше внимание на то, что “консолидация демократии” — частичное понятие, поскольку более общим по отношению к нему является понятие “консолидация политического режима”. В этом смысле “консолидация демократии”, “консолидация авторитаризма” и “консолидация тоталитаризма” — однопорядковые понятия. Поскольку в действительности большинство споров и проблем в определении консолидации демократии вызывала составляющая, связанная именно с “консолидацией”, а не с “демократией”, Першинг предлагает решение, состоящее в “вынесении демократии за скобки”. Основные поиски концентрируются на определении того, чем является консолидация.

Рабочее определение консолидации демократии

Итак, как следует понимать консолидацию и что это такое? Как уже упоминалось в начале статьи, в отличие от русского языка, в котором термин “консолидация” понимают скорее как “объединение” или “согласованность”, в западной литературе это слово означает прежде всего “укрепление”, то есть усиление и стабилизацию. Исходя из того, что, по-видимому, именно такой смысл закладывался в это понятие в ранних работах² (заметим — именно в них термин “консолидация демократии” срабатывал наиболее успешно), полагаю, имеет смысл снова к нему вернуться. В принципе это уже предложил сделать (хоть и с некоторыми существенными отличиями) Андреас Скедлер, когда провозгласил в отношении определения консолидации демократии свой, ставший знаменитым, принцип: “назад — к корням!” [2, с. 103].

Таким образом, *предлагаю определять консолидацию демократии как стабилизацию и усиление демократического режима*. При этом, разумеется, возникает несколько теоретико-методологических вопросов, требующих уточнения:

1. Чем является “консолидация демократии” — этапом, стадией, то есть *промежутком времени или состоянием*?
2. Усиление *до какого уровня* или стабилизация *какого типа* демократического режима имеются в виду?

Что касается первого вопроса, в литературе традиционно распространен первый ответ — консолидацию демократии понимают как стадию, фазу и тому подобное, то есть промежуток времени. Однако с таким ответом связаны определенные проблемы. Например, до конца не понятно, когда начинается консолидация режима как временной промежуток. Согласно одному из подходов, консолидация может начинаться после завершения перехода

¹ Наиболее развернутый анализ этой проблемы содержит статья Скедлера “Измерение демократической консолидации” [29, с. 688 и далее].

² Здесь имеется в виду в первую очередь книга Линца [10].

от старого режима к новому. Согласно другому — переход и консолидация могут пересекаться. В книге “Политика демократической консолидации” можно даже найти мнение о том, что в отдельных странах Южной Европы консолидация наступила еще до завершения перехода (или, по крайней мере, одновременно с ним). С точки зрения обычной логики это воспринимается весьма странно. Пожалуй, понимание консолидации как состояния более адекватно, хотя, возможно, и более сложно, применительно к процедурам, связанным с эмпирическим анализом.

Ответ на второй вопрос, думаю, должен быть таким: под консолидацией демократии понимается стабилизация и усиление *любой* формы демократического режима¹ — от “простой” электоральной демократии до любой другой. Это объясняется тем, что не существует никаких особых теоретических, эмпирических и нормативных предпосылок для того, чтобы консолидированными могли считаться только демократии, достигшие высокого уровня развития². Важно обратиться к этому замечанию, поскольку кризис в использовании понятия консолидации демократии нарастал по мере того, как новые исследователи добавляли все новые и новые условия, якобы для нее необходимые.

Конечно, определить “навсегда” конкретные признаки консолидации демократии вряд ли удастся, тем более сугубо теоретическим путем, поэтому дальнейшее рассмотрение этих вопросов имеет смысл оставить специалистам по эмпирическим исследованиям³.

Выводы

Итак, подведем некоторые итоги. Несмотря на популярность понятия “консолидация демократии”, трудно игнорировать “ярлык” неоднозначности, закрепившийся за ним в западной политической науке и политической социологии⁴. В определенной степени, как я пытался показать, сложившаяся ситуация связана с объективными обстоятельствами (например, многозначностью слов-составляющих, вошедших в понятие), в определенной — с субъективными (в частности, методологическими ошибками интерпретаторов).

Применение исторического метода позволило лучше понять контекст использования и определения понятия “консолидация демократии” и выявить в этом процессе некоторые неожиданные парадоксы. Так, ранний этап использования понятия, когда формальные определения еще отсутствова-

¹ Отвечая на оба вопроса, я фактически солидаризируюсь с позицией Ф.Шмиттера (см. выше его определение). Этот автор известен как довольно жесткий и даже ортодоксальный сторонник транзитологической парадигмы (в частности, именно он с Т.Карлом стал “глашатаем” ответа ее критикам).

² В этом смысле мы не согласны с таким “максималистским” определением консолидации демократии, какое отстаивает, к примеру, Меркель (см. [31] и более поздние его работы).

³ Отдельные подходы и признаки (а также ссылки на соответствующую литературу) можно найти в [32].

⁴ Ученые, использующие это понятие, примерно поровну распределяются между этими двумя отраслями науки.

ли, оказался с эвристической точки зрения наиболее конструктивным. Более поздние определения нередко были либо далеки от методологического совершенства, либо усиливали неоднозначность.

Теоретико-методологический анализ помог раскрыть некоторые более глубокие проблемы, связанные с упорядочением понятий, выяснить, какие из них наиболее адекватные и полезные. Основными субъективными причинами, мешавшими адекватному определению консолидации демократии, были: стремление согласовать понятия с эмпирическими задачами, что часто достигалось в ущерб их теоретической полезности, а также увлечение “максималистичными”, в противовес “минималистским”, определениями, — в итоге понятие становилось одновременно и более многозначным, и менее адекватным реальности.

Кроме того, на все названные выше проблемы накладывается отечественный контекст, в частности различие в понимании термина “консолидация” в украинском и русском языках, с одной стороны, и английском — с другой, ведь опыт показывает, что большинство ошибок в определении консолидации демократии в украинской науке концентрируются именно в этой плоскости.

Наконец, в своем исследовании я сознательно не прибегал к углублению или расширению понятия “консолидация демократии”, то есть старался не столько дать определение понятия “консолидации демократии”, сколько обратить внимание на основные ошибки, которых нужно избегать в формулировках его дефиниции.

Литература

1. *Schedler A.* What is Democratic Consolidation? // *Journal of Democracy.* — 1998. — Vol. 9. — № 2.
2. *O'Donnell G.* Illusions about Consolidation // *Journal of Democracy.* — 1996. — Vol. 7. — № 2.
3. *Alonso S., Maravall J.M.* Democratizations in the European Periphery // *Estudio/Working Paper.* — 2001. — № 169 (October).
4. *Этимологический словарь русского языка.* — М., 1992. — Т. 2. — Вып. 8.
5. *Словарь иностранных слов.* — М., 1990.
6. *The Oxford Russian Dictionary.* — М., 1995.
7. *Деррида Ж.* Структура, знак і гра у дискурсі гуманітарних наук // *Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. / За ред. Марії Зубрицької.* — Львів, 2001.
8. *Демократія : Антологія.* — К., 2005.
9. *Muller J.* Conceptualising Democracy Within the Post-Soviet Setting: A Typology Of Political Regime Forms // *Politikon.* — 2005. — 9 (April).
10. *Linz J.J.* The Consolidation of Regimes: A Theoretical Problem Approach (paper presented at the International Studies Association World Congress, Toronto, 1974).
11. *Gunther R. Diamandouros P.N., Puhle A.-J.* (eds.). *The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective.* — Baltimore; London, 1995.
12. *Linz J.J.* *The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration.* — Baltimore; London, 1978.
13. *Растой Д.А.* Переходи до демократії: спроба створення динамічної моделі // *Демократія: Антологія.* — К., 2005. — С. 583–604.
14. *Diamond L.* *Developing Democracy: Toward Consolidation.* — Baltimore, 1999.

15. *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; London, 1996.
16. *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. — М., 2003.
17. *Pridham G.* The International Context of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective // Gunther R., Diamandouros P.N., Puhle H.-J. (eds.). The Politics of Democratic Consolidation: Southern Europe in Comparative Perspective. — Baltimore; London, 1995. — P. 166–203.
18. *Power T., Powers N.* Issues in the Consolidation of Democracy in Latin America and Southern Europe in Comparative Perspective: A Rapporteurs' Report. Kellogg Institute Working Paper №13 (October 1988). — <http://www.nd.edu/~kellogg/publications/workingpapers/WPS/113.pdf>.
19. *Valenzuela J.S.* Democratic Consolidation in Post-Transitional Settings: Notion, Process, and Facilitating Conditions. Kellogg Institute Working Paper № 150 (December 1990). — <http://kellogg.nd.edu/publications/workingpapers/WPS/150.pdf>.
20. *Пишеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. — М., 1999.
21. *O'Donnell G.* Illusions and Conceptual Flaws // Journal of Democracy. — 1996. — Vol. 7. — № 4.
22. *Skaaning S.-E.* Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework. DDRL Working Papers, №5 (May 2006). — http://iis-db.stanford.edu/pubs/21106/Skaaning_no_55.pdf.
23. *Merkel W.* Against All Theories: The Rapid Democratic Consolidation in Central and Eastern Europe. — http://fphil.uniba.sk/fileadmin/user_upload/editors/kpol/ExU/AgainstAllTheories_17Aug2007.pdf.
24. *Faulenbach C.F.* The Concept of Democratic Consolidation. A Tool to Aid Actors with Democracy Assistance? : Bachelor Thesis supervised by Ron L. Holzacker handed in on October 31, 2007 at the University of Twente. — http://essay.utwente.nl/58058/1/scriptie_Faulenbach.pdf.
25. *Schedler A.* Concepts of Democratic Consolidation. — <http://168.96.200.17/ar/libros/lasa97/schedler.pdf>.
26. *Енциклопедія політичної думки.* — К., 2000.
27. *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии. Ч. 2. // ПОЛИС. — 2003. — № 4. — С. 152–160.
28. *Palma G.di.* To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions. — Berkeley, 1990.
29. *Шедлер А.* Вимірювання демократичної консолідації // Демократія : Антологія. — К., 2005. — Вип. 1. — С. 687–714.
30. *Pershing T.* Transition from Authoritarian Rule and Regime Consolidation. Leaving Democracy Out // Brandeis Graduate Journal. — 2004. — Vol. 2.
31. *Merkel W.* Theorien der Transformation // Beyme K. von, Offe C. (eds.). Politische Theorien in der Aera der Transformation. — Opladen, 1996. — S. 30–58.
32. *Титар І.О.* Емпіричні підходи до ідентифікації та вимірювання консолідації демократії // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Харків, 2007. — С. 81–85.